

10. ФИЛОСОФИЯ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

10.1. ВОЗМОЖНА ЛИ НАУЧНАЯ ИДЕОЛОГИЯ?

Яблокова Наталия Игоревна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии

Место работы: ФГБОУ ВО МГТУ «СТАНКИН»

filosofya@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются три основных подхода к решению проблемы соотношения науки и идеологии. Если первые два из них исходят из крайних позиций, либо противопоставляя науку и идеологию, либо не различая их («научная идеология»), что, по мнению автора, является некорректным, то третий подход строится на предположении о возможности синтеза, собственно, научных суждений и неких идеологием внеучного характера. Однако это не отменяет того, что по своей сути, концептуального статусу и направленности они – суждения разных типов.

Ключевые слова: идеология, наука, рефлексивные суждения, ценностные суждения.

WHETHER POSSIBLE SCIENTIFIC IDEOLOGY?

Yablokova Natalia I., doctor of philosophical sciences, professor, professor of chair of philosophy

Place of employment: FSBEI HE MSTU «STANKIN»

filosofya@mail.ru

Abstract: in article considers three main approaches to problem of relation between science and ideology. If two of them come from extreme positions, either contrasting science and ideology, or not distinguishing between them («scientific ideology»), that, in author's opinion, are incorrect, then third approach is based on assumption of possibility of synthesis, in fact, scientific judgments and some out-scientific ideologies. However, this does not negate fact, that at its core, concept status and direction they are – different types of judgments.

Keywords: ideology; science; reflexive judgments; value judgments.

В том или ином ракурсе в научной и философской литературе вопрос о научности идеологии неоднократно поднимался. Особенно эта тема часто звучала в советский период, когда идеология марксизма рассматривалась как научная и, соответственно, истинная. В постсоветский период отечественные исследователи все больше стали говорить о ненаучности не только марксистско-ленинской идеологии, но и идеологии вообще. Так, все-таки, может ли быть идеология научной?

В истории общественной мысли понятие «идеология» трактовалось по-разному. При введении в научный оборот данного понятия А. Дестютом де Трасси в работе «Элементы идеологии», последний трактовал его как науку, изучающую общие закономерности происхождения идей из чувственного опыта, науку, которая должна быть основанием всех других наук. Вообще же слово «идеология» широко применялось во Франции в конце XVIII – начале XIX веков и обозначало, по сути, этику («моральную философию»). Уничтожительное значение этому понятию придал Наполеон, который высмеивал идеологов – мечтателей-доктринеров, совершенно не понимающих политических реалий.

К. Маркс и Ф. Энгельс трактовали идеологию как иллюзорное сознание, то есть сознание, оторванное от реальности, перевернутое сознание, сознание, поставленное с ног на голову. «Представления, которые создают себе эти индивиды, суть представления либо об их отношении к природе, либо об их отношениях между собой, либо об их собственной телесной организации... Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если

они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это есть опять-таки следствие ограниченности способа их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений» [3, с.24]. Отметим, что положение идеологии как иллюзорного сознания, по мнению этих мыслителей, обусловлено самим порождающим его обществом, и при этом идеология становится частью такого общества.

Иллюзорное сознание Маркс и Энгельс противопоставляли сознанию, отражающему действительность, называя его научным сознанием – сознанием, остающимся «на почве действительной истории» [3, с.37]. Собственную философскую систему указанные мыслители не называли идеологией. Более того, они трактовали ее как научную теорию социализма.

Позднее в трудах В.И. Ленина закрепляется понимание марксизма как научной идеологии, соединяющей научность с революционностью. О революционной идеологии пролетариата как научной идеологии говорили и другие авторы (А. Грамши, Л. Альтюссер и пр.).

В марксизме советского периода утверждалось, что как феномен сознания идеология может быть истинной или ложной, то есть может оцениваться с позиций гносеологических отношений. Причем «противостояние научная и ненаучная идеология имеет и социальное значение, ибо выражает противоположность классовых интересов» [2, с.200].

К настоящему времени трактовок понятия «идеология» существует достаточно много. В них делается акцент на тех или иных аспектах данного понятия: например, выражение интересов определенных соци-

альных групп, находящихся у кормила публичной власти (К. Мангейм); средство манипуляции масс (Э. Фромм); деривации (В. Парето); основа социального действия (Р. Будон) и др.

Можно утверждать, что сложились узкая и широкая трактовки данного понятия. Например, в широкой трактовке идеология может обозначать любое теоретическое выражение идей. В узкой трактовке – это теоретическое выражение интересов того или иного класса (социальной группы).

Различаются и несколько подходов при решении проблемы соотношения науки и идеологии:

1) идеология и наука не пересекаются, другими словами, идеология не может быть научной, а наука выступать в роли идеологии;

2) возможна научная идеология, если она выражает интересы передового класса (социальной группы);

3) идеология может представлять синтез научных (рефлексивных) и оценочных (в данном случае вненаучных) суждений.

Чтобы утверждать о научности, следует выделить ее признаки. Среди основных признаков научности следующие: интенция на объективность, то есть стремление к раскрытию логики существования самого объекта, как он представлен нашему сознанию (или то, что некоторые авторы называют рефлексивным знанием [4; 6, с.262-265]), рациональность, эссенциалистская направленность, особая системность знания, проверяемость (верифицируемость). Основу же идеологических конструкций составляют ценностные суждения, выражающих интересы определенных социальных групп, общества в целом. Если наука стремится быть идеологически нейтральной, то основу идеологии, наоборот, составляет выражение чьих-то интересов.

Однако означает ли это, что идеология не оказывает никакого влияния на развитие науки, а наука на идеологию, и, соответственно, невозможен синтез науки и идеологии?

В связи с этим интерес представляет статья известного экономиста, политолога и социолога Йозефа Шумпетера «Наука и идеология» [7]¹. В ней автор поднимает вопрос о влиянии личной системы ценностей и политических взглядов ученого на его научные исследования. Он приводит примеры такого влияния, причем как открытого (как, например, в работах К. Маркса), так и закрытого (в частности, в работах Дж.М. Кейнса) характера. Действительно, некоторые ученые открыто поддерживают ту или иную идеологию, другие – на словах утверждают о своей идеологической нейтральности, хотя, по сути, выражают определенную идеологию.

Шумпетер делает весьма глубокий вывод: «научная деятельность сама по себе не требует отказа от ценностных суждений или игнорирования стремления к защите каких-либо интересов. Одно дело – исследовать факты или разрабатывать инструменты такого исследования, совсем другое дело (с точки зрения логики) – оценивать их с каких-либо этических или культурных позиций, и эти два аспекта не обязательно противоречат друг другу» [7, с.249]. Таким образом, с точки зрения Шумпетера, защитник той или иной идеологии может с научных позиций вести исследование и находить научные аргументы в ее защиту. Вместе с тем защита интересов не подразумевает лжи, поэтому совершенно недопустимо «притягивать» фак-

ты или выводы, полученные на основе фактов для обоснования интересов. Более того, возможна ситуация, когда ученый получает выводы, противоречащие его идеологическим убеждениям. В связи с этим интересен пример, который приводит в анализируемой работе Шумпетер, когда Э. Бароне сформулировал систему уравнений, описывающих социалистическую экономику, при этом не испытывая никаких симпатий к идеологии социализма.

Шумпетер справедливо утверждает, что идеологические воззрения ученого, так или иначе, оказывают воздействие на его научную деятельность. Причем автор ставит в заслугу Марксу, что тот первым указал на взаимозависимость между наукой и иными феноменами общественной жизни (например, особенностями социального положения исследователей и их взглядами на реальность). Однако Шумпетер развивает эту идею Маркса далее, называя научной идеологией социальную обусловленность науки. Он указывает на разную значимость такой обусловленности для естественных и гуманитарных наук, полагая, что если для первых – результаты научного опыта инвариантны по отношению, например, к социальному положению ученого («и для капиталиста, и для пролетария падающий камень выглядит одинаково» [7, с.251]), то для вторых – эту обусловленность нельзя не принимать во внимание. Хотя подчеркнем, что автор делает весьма категоричный вывод о том, что результаты общественных наук можно (или кажется, что можно) оспаривать и на основании классовой принадлежности автора, а «без ссылки на эту принадлежность нет места для категорий «истинности» или «ложности»» [7, с.251-252].

Окончательные выводы, к которым приходит Шумпетер таковы:

- идеология не является просто ложью, она раскрывает то, что человек хочет видеть, и это видение в большей или меньшей мере совпадает с реальностью, и в этом плане идеология как феномен социальной жизни будет вечной; однако любая идеология рано или поздно все больше отрывается от действительности и ей на смену приходит другая, отсюда, никакая конкретная идеология не вечна;

- идеология построена на ценностных суждениях, а суждения о высших ценностях выходят за рамки научных исследований (они могут быть лишь объектом исторического исследования);

- формирование идеологических убеждений – донаучная и вненаучная процедура, вместе с тем эти убеждения могут подвергаться научному анализу, но тогда уже сама идеология исчезает;

- хотя идеологии и замедляют научное продвижение вперед, однако они относятся к донаучным когнитивным актам, а последние дают новый импульс для научных исследований.

Как представляется, работа Шумпетера весьма показательна в том отношении, что в ней сформулирован целый ряд аспектов, помогающих раскрыть соотношение науки и идеологии и ответить на вопрос о возможности научной идеологии.

Действительно, влияние идеологии на мировоззрение ученого может быть весьма значительным и особенно это проявляется в социально-гуманитарных науках, которые по своему концептуальному статусу должны формулировать ценностные суждения, имеющие научное обоснование. Однако при этом нельзя забывать, что в идеологии действительность представлена в ракурсе интересов определенных социальных групп, классов, и образ реальности дан как желаемый образ. Данный образ содержит в себе и элементы рефлексивного знания, то есть знания, описывающего сами объекты безотносительно к

¹ Эта статья написана на основе выступления Шумпетера перед Американской социологической ассоциацией в 1948 году.

их ценностному осмыслению, и в этом плане идеология не может быть только ложным сознанием. Она должна, по меньшей мере, давать видимость соотнесения с действительностью.

А теперь вернемся к тем подходам, которые раскрывают соотношение науки и идеологии.

Первый подход исходит из того, что идеология никогда не может быть научной. В общем плане, это, действительно, так. Идеология формулирует цели, ценности, причем, как правило, высшего порядка. Наука не решает такого рода проблемы. Однако значит ли это, что идеология не использует научное обоснование для выбора данных целей? Отнюдь, нет.

Второй подход основывается на том, что возможна научная идеология. С этим подходом также трудно согласиться, так как в задачи науки не входит процедура выбора той или иной идеологии.

Более корректным представляется третий подход, в соответствии с которым наука и идеология могут образовывать некий симбиоз, включающий, как, собственно, рефлексивные суждения, которые вписаны в систему гносеологических отношений и могут быть проверены с точки зрения гносеологической истины, и суждения ценностного характера, которые выражают некие предпочтения, за которыми скрываются, собственно, интересы конкретных социальных групп.

Какова в данном случае роль науки?

Во-первых, ее выводы могут быть учтены при формулировании целей конкретной идеологии (хотя, повторимся: сам выбор не относится, собственно, к задачам науки).

Во-вторых, наука просчитывает следствия, побочные результаты, которые могут возникнуть при реализации данной идеологии.

В-третьи, наука раскрывает конкурентные преимущества и недостатки тех или иных идеологий, сравнивая их между собой.

В-четвертых, наука может помочь найти необходимые средства для реализации конкретной идеологии.

В-пятых, средствами философских наук можно выявить смысловую структуру и смысловые следствия идеологии [1, с.100].

Поскольку наука и идеология могут образовывать некий синтез положений рефлексивного и ценностного характера, постольку возникает соблазн представить идеологию как феномен, имеющий научное содержание. Однако по своей сути идеология относится к ценностному сознанию, хотя это не исключает и возможного вклада идеологии в разработку ряда научных положений. В связи с этим опять же обратимся к указанной ранее работе Й. Шумпетера.

На примере исследований К. Маркса в области экономики Шумпетер показывает, что еще до начала таких исследований у Маркса сформировалось видение капиталистического процесса, и его задачей было найти научное обоснование идеологии пролетариата, сметающего капиталистический способ общественного производства в процессе социалистической революции. Однако по мере анализа капитализма Маркс создает «много примеров научного анализа, которые были не только нейтральны по отношению к этому видению, но и несколько не вполне с ними согласующимися...» [7, с.259], а его теория прибавочной стоимости «была подлинным образцом теоретического анализа» [7, с.259].

Отметим и еще одну черту идеологии, которая требует научного обоснования. Как подчеркивает Э.Ю.

Соловьев, идеология основывается на воодушевляющих проектах [5], «ценность которых определяется способностью индуцировать единомыслие, энтузиазм и готовность к лишениям и жертвам». Научный анализ в данном случае направлен на выяснение потенциала того или иного проекта. В связи с этим весьма показателен пример концепции русской национальной идеи в качестве проекта, способного привести к консенсусу в современном российском обществе, и отрицательный результат экспертной комиссии, вынужденной признать, что принятие концепции в качестве основы идеологии не позволит достичь поставленных целей.

Статья проверена программой «Анти-Плагиат»; оригинальность текста – 86%.

Список литературы:

1. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
2. Идеология // Философский энциклопедический словарь. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1983. – С.200.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Том 3.
4. Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 400 с.
5. Соловьев Э.Ю. Проспект доклада «Философия как критика идеологий» [электронный ресурс Института философии РАН] // URL.: http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2016/07_06_2016_soloviev.pdf (дата обращения 10.08.2016).
6. Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. Специфика нормативизма в экономической теории // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2015. – №2. – С.262-265.
7. Шумпетер Й. Наука и идеология // Философия экономики. Антология / Под редакцией Д. Хаусмана; перевод с английского. – М.: Издательство Института Гайдара, 2012. – С.247-265.